К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Александра БЛОКА

ПОЭТ И ОКТЯБРЬ

Всякий художник воспринимает политические события, а тем более социальные сдвиги и революционные потрясения сквозь призму своей личной художественной точки зрения. Особенно если имеем мы дело с поэтом лирического склада, объектом изображения которого являются события его внутреннего мира.

Именно таким поэтом и был Блок.

Но тот же Блок утверждал, что никакого изолированного художественного мира, сколь бы интимным и субъективным он ни был, не существует. «В поэтическом ощущении мира, — писал он, — нет разрыва между личным и общим; чем более чуток, тем неразрывнее ощущает он «свое» и «не свое»; поэтому в эпоху бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой».

В этих словах уже можно увидеть объяснение того шага навстречу революции, который так ошеломил многих современников Блока. «Душа поэта» оказалась до краев «преисполненной бурей и тревогой», которые бушевали на полях его страны.

К такому восприятию и приятию Октябрьской революции, которое полнее всего отлилось в знаменитой статье «Интеллигенция и революция», в «Двенадцати» и «Скифах». Блок был подготовлен издавна не характером своей «внешней» работы, не как участник или деятель той или иной политической партии, а как поэт, как художник, обладавший редким слухом и обостренным чувством по отношению к тому, что происходило в действительной жизни.

И он не столько «увидел» революцию, сколько «услышал» ее. В январе 1918 года, только приступив к поэме «Двенадцать», находясь в состоянии редкого творческого подъема, Блок заносит в записную книжку: «На днях лежал в темноте, с открытыми глазами. Слышал гул, гул: думал, что началось землетрясение».

А это гремела революция.

Она была для Блока сродни природным явлениям, никому и ничему не подвластным мощным потоком, до конца смывающим «старый» мир. Ею движет история, которая служила в глазах Блока и воплощением, и выражением истины, имеющей абсолютный характер. История выверяет и очищает «земную» жизнь людей — «быт» выверяется высшей мерой «бытия». Рушится не просто и не только Российская империя. Плавится старый мир, уходит в небытие старая история, наступает для человечества новая эпоха, лицо мира становится иным.

Грандиозность революции, ее эпохальный характер Блок понял сразу. Каким будет нарождающийся новый мир — этот вопрос Блок решать не берется. Его позиция — позиция поэта-романтика, со всей максималистской глубиной ощутившего необходимость переделки всего на свете.

В отношении Блока к октябрьским событиям было понимание величия, понимание их антибуржуазного характера, но не было жертвенности. Ведь еще задолго до революции он сказал вещие слова о мире, в котором он жил: «Страшный мир! Он для сердца тесен!» В этом мире, где царят пошлость и расчет, где нет места порывам и широким замыслам, где не нужна человеческая личность, не может быть места подлинным чувствам и человеческому совершенству. На этой почве и родился призыв к своим современникам:

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела с твоей отчизны...

Постоянство образного мышления Блока, его верность себе поразительны. Всю жизнь он оперировал, по существу, считанным количеством образов-символов. И все они выражали одно: тревогу, напряженное ожидание, пристальное вглядывание в будущее. Объятый пламенем горизонт, закаты и пожары — типичные для Блока знаки тревоги, которые будут сопровождать его до конца.

Он рожден был уже с этой тревогой, с ожиданием вселенского взрыва, он носил его у себя под сердцем, им до дна проникнута самая плоть того лирического ощущения мира, которое создавалось в его стихах и которое превращало лирический дневник в эпическое повествование о великом неблагополучии.

И он ощутил себя во власти народной России, частицей ее, ее сыном, ее мужем, слился с нею в затаенном мятеже, в ожидании неминуемых потрясений. Он, вышедший из дворянской среды, впитавший в себя соки европейской рафинированной культуры, сказал о России слова, которых не говорил ни один поэт до него:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви!

Но уже в 1913 году Блок сказал о ней другие, пророческие слова:

«Есть Россия, которая, вырвавшись из одной революции, жадно смотрит в глаза другой, может быть более страшной».

Он увидел в ней биение подспудных сил, готовых разразиться мятежом. Революция для Блока есть проявление стихийных, то есть естественных, непреднамеренных сил, таящихся в глубине народной массы. Узнав о землетрясении в Италии и приводя объяснения ученых, что «там еще не отвердела земная кора», Блок многозначительно добавляет в статье «Стихия и культура»: «А уверены ли мы в том, что довольно «отвердела кора» над другой такой же страшной не подземной, а земной стихией — стихией народной».

Блок понимает стихию широко — в его понимании стихия — великая созидательная сила, разлитая как в природном мире, так и в толще народной массы. Она — залог грядущего обновления, потому что она всегда угроза старому, отживающему, косному. Цивилизация же всегда была в понимании Блока выражением механического начала жизни, и поэтому она была враждебна живой жизни, враждебна человеку. В докладе «Крушение гуманизма», прочитанном уже после революции, Блок утверждал: «Хранителем духа музыки оказывается та же стихия, в которую возвращается музыка... тот же народ, те же варварские массы. Поэтому не парадоксально будет сказать, что варварские массы оказываются хранителями культуры, не владея ничем, кроме духа музыки, в те эпохи, когда обескрылевшая и отзвучавшая цивилизация становится врагом культуры».

И в этом необычном рассуждении имеется своя логика, которая строится на полном доверии к массе, к народу, к его великим творческим силам и возможностям.

Блок воспринял революцию как великий слом эпох, как наступление новой эры в истории всего человечества. Именно поэтому он так неожиданно для нас, но вполне логично для себя увидел во главе восставшей стихии, изображенной в его бессмертной поэме, образ Христа. Для него это был образ эпохального значения: и не случайно он увидел не на фоне спокойного течения жизни, а «в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество», как сказал Блок в том же докладе «Крушение гуманизма».

В поэме «Двенадцать» уже не внутренний мир поэта, не его лирические переживания играют решающую роль. Ее играют реально увиденные и объективно обрисованные люди — герои новой эпохи. Наивно видеть в них сознательных носителей революционного долга — не к такому изображению стремился поэт. Ему важна была «музыка революции» — и он услышал ее там, где только и мог услышать.

Открытие «Двенадцати» и явилось для Блока открытием революции. Именно поэтому так не похожа эта поэма на все написанное Блоком ранее — здесь произошел слом стилистической манеры, произошло открытие и новой темы, и новых героев.

Проблемы принять или не принять революцию, важной для многих современников Блока, для него практически не существовало. Он был подготовлен к принятию ее задолго до того, как она совершилась, был подготовлен и как лирический поэт, формирование которого проходило в условиях «страшного мира», и как человек, долго и мучительно размышлявший на тему о характере мирового исторического процесса, о характере соотношения буржуазной цивилизации и новой, нарождающейся в недрах народной массы культуры.

В основе же всякой культуры лежит «музыкальное начало», и оно согласно прочному убеждению Блока есть воплощение тех гармонических законов, по которым совершается развитие человеческого духа. Именно поэтому в ответ на вопрос корреспондента газеты «Петроградское эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» — Блок ответил с предельной четкостью: «Может и обязана», добавив, однако, что «по внутреннему побуждению это будет соглашение музыкальное». А свою статью «Интеллигенция и Революция» завершил страстным призывом: «Всем телом, всем сердцем, **всем сознанием — слушайте Революцию».**

Леонид ДОЛГОПОЛОВ.

● *А. А. Блок. 1921 год. (Редкий снимок).*

СТРОКА ИЗ КАТАЛОГА

Среди разнообразнейших реликвий, связанных с именем Александра Блока и хранящихся в Пушкинском доме в Ленинграде, есть на первый взгляд малоприметная. Это алфавитный каталог книжного собрания поэта, составленный им самим с большой любовью и тщательностью. Он раскрывает отношение Блока к книге, выявляет широчайший диапазон его читательских и библиофильских интересов.

Однажды Александр Блок вписал в каталог новую книгу: «Т. Г. Шевченко. Кобзарь. Пер. И. А. Белоусова. М. 1911 г.».

Как и когда эта книга попала в книжное собрание поэта? Быть может, это связано с какими-то событиями в жизни Блока?

28 сентября 1914 года в его записной книжке появилась запись: «Книги и письмо от Белоусова...»

Не тот ли это Белоусов, которому принадлежал русский перевод шедевров украинского певца? Не существовало ли взаимосвязи между появлением «Кобзаря» в библиотеке Блока и записью в записной книжке?

Некоторые из этих вопросов потребовали знакомства с архивом Блока, в частности с его эпистолярным наследием, большей частью сосредоточенным в Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства. Оказалось, появлению лаконичной дневниковой записи поэта предшествовала краткая переписка: сохранилось два письма Белоусова и одно Александра Блока. И действительно, эти письма от московского писателя, издателя и переводчика Ивана Алексеевича Белоусова (1863—1930). 20 сентября 1914 года он обратился к Блоку с письмом следующего содержания: «Многоуважаемый Александр Александрович, в Москве при литературно - художественном кружке образовалась комиссия, которая изыскивает средства для помощи раненым и ушедшим на войну. Между прочим, решено издавать альбом автографов писателей, художников, артистов и пр. Обращаюсь к Вам с просьбой на прилагаемых листках написать свои стихи и подписать фамилию. Думаю, что Вы не откажетесь откликнуться на доброе дело. Я немного знаком с Вами, вспоминаю встречи у Л. Н. Андреева. Кроме того, личная просьба: не согласитесь ли Вы прислать мне свои стихи (книгу) с надписью. Я бы вам ответил тем же»*.

* Здесь и далее публикации писем впервые (ЦГАЛИ, ф. 55 и р. 66).

И. А. Белоусов был в свое время известным и уважаемым литератором. Выходец из народа, он возглавил литературно-музыкальный кружок, объединивший таких же писателей-самоучек, как он сам. Почти ни одно заседание знаменитых «Сред» в Москве, где собирались в начале века писатели реалистического направления, не проходили без участия Белоусова. Немало лет Белоусов отдал художественному переводу, стремясь познакомить русского читателя с лучшими произведениями украинских и армянских поэтов. Особенно полюбил он стихи великого Кобзаря.

Получив письмо от Белоусова, Александр Блок ответил почти тотчас же. Он писал: «Просьбу Вашу исполняю с удовольствием. Вот карточка, а под бандеролью посылаю «Ночные часы» за обещанную Вами книгу. Спасибо заранее. Искренне уважающий Александр Блок». На письме из Москвы стояла карандашная помета: «Получ. и ответ. 25 сентября 1914 г.», а далее следовало уточнение: «Посл. стих. «Упоительно встать» и «Ночные часы». Итак, для будущего издания с благотворительной целью поэт послал стихотворение «Упоительно встать», написанное им еще летом 1909 года и позже получившее название «Утро в Москве». Это восьмистишие подобно акварельной зарисовке с натуры.

Следует заметить, что Блок не раз участвовал в сборниках, доход от распространения которых шел в пользу жертв войны 1914 года.

Упоминание Блока о том, что он послал в дар Белоусову свой сборник «Ночные часы», позволяет в будущем продолжить поиск и, возможно, обнаружить это издание с его дарственной надписью.

В своем письме московский корреспондент поэта, расстроганный подарком, отвечал: «Примите и от меня на память мои слабые, по старинке написанные книжки», прилагая к письму две книги. Одна из них — это первый поэтический сборник Белоусова, изданный в Москве в 1909 году. На титульном листе сделана надпись: «Александру Александровичу Блоку с чувством искреннего уважения и на добрую память. Москва 27 сентября 1914 года». А вторая книга отразила переводческую деятельность Белоусова. Это «Кобзарь» с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Александру Александровичу Блоку от переводчика песен и дум славного Кобзаря Украины. И. Белоусов. Москва. 24 сентября 1914 г.».

С. ШОЛОМОВА.

КЛУБ КНИГОЛЮБОВ

ВЫПУСК 75-й

К столетию со дня рождения великого русского поэта А. А. Блока подготовлен 92-й том «Литературного наследства» в четырех книгах (главный редактор — член-корреспондент АН СССР В. Р. Щербина). Здесь публикуются неизвестные творческие автографы Блока, его неизданная переписка, отзывы о Блоке в письмах, дневниках и воспоминаниях современников, статьи и сообщения, основанные на неизвестных ранее документальных материалах. Редакторы тома И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. Том выходит в издательстве «Наука». Ниже мы публикуем с сокращениями некоторые материалы тома.

ПИСЬМО «НЕЗНАКОМКИ»

На премьере блоковской «Незнакомки» (апрель 1914 года), роль Незнакомки сыграла молодая талантливая актриса Л. Ильяшенко, выступившая под сценическим псевдонимом Бугаева.

Когда вышел сборник лирических драм А. Блока «Театр», поэт подарил его актрисе с надписью: «Лидии Степановне Ильяшенко — милой исполнительнице Незнакомки. Александр Блок. Май 1916».

Сохранилось письмо Л. Ильяшенко написанное сразу после блоковского спектакля, журналисту И. Джонсону (Иванову). Среди интересных подробностей сообщается и не попавший в научный обиход факт — на одной из постановок (видимо, 10 апреля) присутствовал К. С. Станиславский. Вот строки из этого письма:

«...Сегодня первый день, когда я вздохнула немного свободнее. Наша студия дала 7 спектаклей, посвященных Блоку, и я в 4-х играла Незнакомку. Не буду писать о всех волнениях, вы и сами это знаете. Газеты Мейерхольда, конечно, ругали так, что жутко читать. Меня кое-где хвалили и даже писали, что наша сцена на мосту лучшая из всего спектакля, и Незнакомка была поистине прекрасна. Мейерхольд на премьеру выпустил меня, хотя было два состава... Нас смотрел весь Петербург и даже Станиславский. Вот было жутко при нем играть!».

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Авторская дарственная надпись на книге, или инскрипт (этот термин нередко употребляется в научных исследованиях), занимает промежуточное место между литературным произведением и «бытовым документом», она связывает собственно литературу с литературным бытом.

Инскрипт часто позволяет не только реконструировать обстоятельства вошедших в научный оборот событий, но и обнаружить факты, нигде более не нашедшие отражения.

Дарственные надписи Блока начали публиковаться сразу после смерти поэта, главным образом в мемуарах. Несмотря на разный «тон», инскрипты объединяет общая черта: на протяжении двадцати лет (1901—1921) они неизменны в одном — в своей предельной искренности

Среди инскриптов Блока прежде всего следует отметить стихотворные послания, рожденные именно как надписи на книгах, нередко они были «спровоцированы» поэтическими обращениями к Блоку его литературных соратников и молодых поэтов.

Стихотворная переписка Блока и Вяч. Иванова, возникшая как обмен посланиями-надписями на книгах, интересна в качестве примера блоковской прямоты. Блок, надписывая Вяч. Иванову третью книгу «Собрания стихотворений» и отмечая прежнее сродство душ, в поэтическом обращении к старшему сподвижнику-символисту прямо говорит о выходе из «атмосферы Вяч. Иванова».

Для большинства инскриптов Блока характерна подчеркнутая единственность обращения именно к данному и никакому другому адресату.

«Создательнице высоких мгновений Вере Федоровне Комиссаржевской с глубоким уважением и благодарностью. Александр Блок. 1907 С-П-Б.» (на книге «Нечаянная радость»).

«Глубокоуважаемому и дорогому Алексею Максимовичу Пешкову книга, полная тоски и пьяной хандры, но и русских прозрений — от редактора ее. VIII.1919» (на книге «Стихотворения Аполлона Григорьева»).

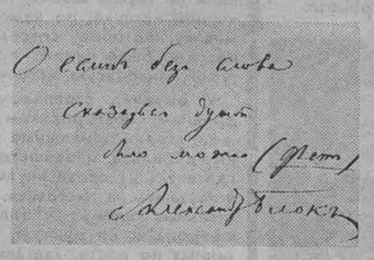
«Любови Александровне Дельмас от ее неизменного поклонника. Если бы Вы и не сочувствовали этой книге, я все-таки хотел бы подарить Вам и ее, потому что Вы — артистка милостью божией — служа Новому Миру Вашим искусством, сжигаете старый мир Вашим огнем. Александр Блок. Январь 1919 года. Петербург» (на иллюстрированном издании поэмы «Двенадцать», 1918).

Абсолютно неизменна та особая обязательность, с которой Блок дарил в первую очередь все свои книги самым близким людям и предельно лаконично надписывал их: «Маме», «Любе», «Тете» (с указанием дат). Выявленные инскрипты Блока подтверждают, что только один адресат из круга друзей поэта был удостоен такой же краткой надписи, свидетельствующей о душевной близости, не требующей словесных подтверждений, — это Евгений Павлович Иванов: «Жене. 8 ноября 1911 года.» лаконично проставил поэт на сборнике «Ночные часы».

Примечательна история двух надписей Блока Мейерхольду, которая нашла отражение в их переписке, причем именно краткая надпись поэта была воспринята Мейерхольдом как самая лестная.

В 1907 году Блок послал Мейерхольду сборник «Снежная маска» с надписью: «Многоуважаемому и милому Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду. Александр Блок. 24.IV.07. СПБ». 30 апреля Мейерхольд откликнулся: «Дорогой Александр Александрович! Вы помните, у Чехова в «Чайке» Маша просит Тригорина прислать книжку его с автографом и предупреждает: «только не пишите «многоуважаемой», а просто так: «Марье, родства не помнящей...» и т. д. Когда я открыл Вами присланную «Снежную маску» и прочитал «многоуважаемому» мне вспомнилась Маша из «Чайки» и я пожалел, что уже поздно предупреждать, чтобы Вы не писали мне «многоуважаемому», а просто так «Всеволоду...». Блок сразу же, 1 мая, ответил письмом: «...Исправляю свою банальность надписью на карточке, которую Вы у меня просили зимой. Если дадите мне свою — буду очень тронут и благодарен. А «многоуважаемому...» и т. д. писал, высунув язык от усталости — очень много книжек рассылал и надписей делал». Получив блоковскую фотографию с надписью «Всеволоду Мейерхольду. Александр Блок», в ответном письме режиссер благодарит: «Большое спасибо, дорогой Александр Александрович, за Ваш портрет! Свой пришлю Вам непременно. Вы не подумайте, что я обиделся за «многоуважаемого». Я, видите ли, испугался. Показалось, что Вы разлюбили меня».

Дарственные надписи Блока позволяют очертить тот круг людей, которым Блок дарил свои книги постоянно, и в первую очередь тех, чьим мнением он, несомненно, дорожил и с чьей оценкой своего труда особенно считался.



В книгах «Литературного наследства», посвященных Александру Блоку, помещается множество ранее не публиковавшихся и редких фотоснимков, рисунков и других фотодокументов. На этой странице — иллюстрации, мало известные широкому кругу читателей.

● *С. Юткевич. Иллюстрация к поэме «Двенадцать». 1918 г. Публикуется впервые.*

● *Автограф А. А. Блока.*

● *Н. Дмитриевский. Иллюстрация к «Незнакомке». 1922 г.*

СЛОВА ПРИЗНАНИЯ

Стихотворения, посвященные современниками Александру Блоку, поражают уже своим количеством. Более 160 авторов, более 300 текстов — такого числа стихотворных приношений не удостаивался до Блока никто из русских поэтов.

Для современников Блок был не просто значительнейшим поэтом, но как бы воплощением поэтического начала. Таким образом, посвящение стихов Блоку было не просто данью симпатии любимому поэту, но своего рода клятвой на верность поэзии.

Часто обращение к Блоку бывало для поэтов поводом формулирования собственного отношения к миру. Блок, по-видимому, побуждал поэтов-современников к более четкому идейному самоопределению. Самый авторитет его среди современников был не в последнюю очередь обусловлен способностью к безжалостно-честному, свободному от позы и «игры ума» самоанализу.

Два неизвестных стихотворения, обращенных к Блоку, предлагаются вниманию читателей.

Лариса РЕЙСНЕР

БЛОКУ

Незнакомка не пришла.
Что ей выйти помешало
Из сурового бокала
Песен, вьюги и вина.
Отчего ее одежды
Все случайней и мутней
В зеркале тлетворных дней
Изменяющих, как прежде.
Как теперь запечатлеть
Скрытую толпой созвездий
Музу горестных возмездий,
Разучившуюся петь.

(1913?)

Лариса Михайловна РЕЙСНЕР (1895—1926) — поэтесса, журналистка, с 1918 г. — член партии большевиков, участница гражданской войны.

Леонид СЕМЕНОВ

А. А. БЛОКУ

Не спи, но спящих не буди.
Заутра выйди на крыльцо,
Надень венчальное кольцо
И обратив к заре лицо
Молись и жди.
И вот с востока на заре
Промашут огненные птицы,
Мелькнут заветные страницы,
Зардятся копья на горе.
И он веселый и победный
В передрассветной тишине
От вражьих ран смертельно бледный
Проскачет мимо на коне.

15. XII. 1903.

Леонид Дмитриевич СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ (1880—1917) — университетский товарищ Блока, поэт-символист, впоследствии активный революционер, затем — последователь учения Л. Н. Толстого.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЧЕРОМ...

В течение трех лет на редакционный стол блоковского тома «Литературного наследства» из разных архивохранилищ и частных собраний стекались фрагменты писем и дневников современников Блока. Специальная рабочая группа просмотрела десятки тысяч рукописных страниц. И отложилось около полутора тысяч прижизненных свидетельств о поэте.

Здесь читатель услышит сообщения о Блоке от почти ста пятидесяти авторов. От одних осталось всего несколько строк, посвященных Блоку; переписку других — в первую очередь матери, жены, Андрея Белого — можно назвать настоящими дневниками о великом поэте. Для исследователей и читателей раздел должен стать богатым источником самых разнообразных сведений о жизни и творчестве Блока. Тут можно будет найти и упоминания об утраченных (хотелось бы сказать — пока не обнаруженных!) его письмах, а в некоторых особо счастливых случаях и пересказ из этих писем, и даже цитаты из них (и даже копия с несохранившихся ранних вариантов блоковских стихотворений). Тут будут и записи разговоров с Блоком, и новые комментарии к его дневникам и записным книжкам... И многое другое...

Но это не разноголосица, как можно было бы подумать, — это музыкальное многоголосие, из фрагментов складывается портрет Блока, которого видели и знали живые люди его времени.

Нет возможности в короткой статье познакомить с материалами, о которых речь, во всем их разнообразии. Мы отобрали те, которые передают впечатления от встреч с Блоком, дающие маленькие его «портреты».

Как известно, вокруг Соловьевых — родственников Блока — в Москве сложился первый кружок почитателей блоковского таланта еще в ту пору, когда стихи поэта и не печатались, а только ходили по рукам, получаемые из Петербурга, переписанные на двойных листках почтовой бумаги решительным, законченным, но быстрым блоковским почерком. Среди этих москвичей, кто раньше всех в России имел возможность проникнуться лирикой Блока и сумел это сделать, был М. И. Сизов, впоследствии естествовед и литератор. Лично он познакомился с Блоком много позже, когда перебрался на время в Петербург. В его письме Андрею Белому от 25 сентября 1907 г. мы находим один из самых внимательных и прочувствованных портретов «интимного» Блока — слишком долгое и глубокое вживание в стихи предшествовало встрече, чтобы зарисовка оказалась сторонним наблюдением:

«...Живу я здесь почти две недели и так как чувствовал себя все это время довольно одиноко, то был очень рад отправиться к Блокам... Увидел много, но много и неожиданного. Почувствовал себя сразу очень легко и спокойно, может быть, даже близко и во всяком случае уютно. И главное еще, что для меня было тогда особенно чувствительно, «своего» человека, как будто я был в Москве, а не в Петербурге, он говорит все-таки по-московски, может быть, и не всегда, но он этот язык понимает. Мы с ним долго говорили, сидя вдвоем... Второй раз я у них был ровно, кажется, через неделю — в это воскресенье — вечером...

Мы с ним опять много говорили и особенно о нем, как-то это так вышло... Он очень спокоен, или по крайней мере успокоителен, но сейчас же чувствую, что это спокойствие, которое чувствуешь с ним, подобно спокойствию перед электрическим прибором, посылающим колоссальные, может быть, энергичные колебания, которых мы не воспринимаем. Он по-моему, очень серьезен, очень силен, он из поставленных на одной из таких точек, с которых видят перспективу мировых зданий, их архитектуру и стилизацию окружающих деталей картины и характер ландшафта. Он из мировых топографов. Мне это не исключает возможности таких ошибок, которые могут даже парализовать его творчество, сделать его по крайней мере слабым и нецелесообразным, или даже влияния от него не зависящих и требующих от него, может быть, слишком необыкновенных усилий, поступков, обстоятельств, но он такой...»

Однако ко времени, к которому относится письмо Сизова, после выхода в свет первой книги поэта, уже сложилось представление у читателей о Блоке — певце Прекрасной Дамы. Именно этот образ — самый распространенный в предреволюционное десятилетие. Снова и снова встречаемся мы с ним и в наших материалах. Вот начинающий поэт Ал. Вир (А. А. Попов), видавший Блока и прежде, рассказывает о том, как увидел его в апреле 1909 г. в цирке.

«Я привык видеть Блока в черном сюртуке — серьезного, почтительного с неподвижным, как маска, лицом. лицом романтика... Я привык видеть его глаза умными, чистыми...» (знаменательно, что Попов не хочет мириться с нарушением этого условного, хотя и поэтического образа, не хочет мириться с живым человеком-поэтом, хотя и знает его тяжкие личные обстоятельства). «А здесь... Он ходил как-то порывисто... весь окутан дымом — ибо курил он папиросу за папиросой...».

Еще такой же случай, может быть, даже ярче. 7 января 1913 г. будущий искусствовед И. В. Евдокимов возвращается с одной публичной лекции и заносит в дневник, что среди слушателей был человек, привлекший его внимание.

«Не знаю, по лицу очень походит, был, кажется, Блок, хотя очень он мне уж показался прост и неказист. Я Блока представляю себе тонким, изящным, лунным, а это был широкий, здоровый мужик».

Живой Блок покорял людей — с углублением в его стихи поверхностный романтический слой становился ненужен. Так было и с Евдокимовым, в дневнике которого сохранилась запись о еще одной, будничной для литератора встрече — за библиотечным столом. Блок в октябре 1914 г. готовил собрание стихотворений Аполлона Григорьева. И Евдокимов пишет:

«Сегодня в Академии наук работал рядом с Александром Блоком. Он брал книги Погодина «Труды и дни», «Русские поэты» Гербеля, что-то, должно быть, пишет, в журнальной читал «Русский архив». Огромный, огромный поэт, но настолько он ничем не отличается от всех прочих, что в читальной, кроме меня, на него никто и не взглянул».

Н. КОТРЕЛЕВ,
Р. ТИМЕНЧИК.